

Церковнославянский язык – особый, священный язык. Его создали святые Кирилл и Мефодий специально для богослужения и христианской проповеди, поэтому никакой современный язык (в частности, русский) не в состоянии передать всей его тонкости и глубины. Сколько раз я слышал эту полуправду...

Почему полуправду? Потому что это высказывание в целом верно – но верно не только оно. Впрочем, сначала скажу, с чем я тут согласен. В самом деле, когда первые проповедники пришли к славянам, им нужно было перевести на язык полудиких племен сложнейшие тексты, написанные на древнегреческом языке. Но, по счастью, сам язык этих племен был структурно очень близок к греческому: примерно такое же склонение, спряжение, очень похожее словообразование... И в результате были созданы слова-кальки: все корни, суффиксы, окончания славянские, но употребляются они как в греческом.

Например, слово «воспитание» – откуда оно взялось? Из греческого «анатрофи»: в нем тоже есть приставка с основным значением «вверх», корень от слова «питать» и окончание. Всё это скопировали на славянский – получили новое слово. А многие слова из церковного обихода и вовсе оставили без перевода, заимствовали их у греков в готовом виде.

Нечто подобное происходило и с синтаксисом, правда, тут очень мешало отсутствие у славян артикля. Впрочем, и его постарались восполнить: «иже» и «еже» сплошь и рядом стоят на месте греческих артиклей. Правда, употребляются они все же по-иному, поэтому сложные греческие фразы в буквальном славянском переложении нередко рассыпаются, превращаются в набор отдельных слов – и понять их точный смысл можно только по греческому оригиналу.

Зато можно быть уверенным, что к этому оригиналу славянский приближает читателя лучше, чем какой бы то ни было иной перевод на древний или современный язык. Да и сам церковнославянский получился действительно «очищенным» от всяких бытовых наслоений.

Только всегда ли это хорошо? Вот в Греции идешь по улице и видишь табличку со словом «литургия» на совсем не церковном здании. А значит это слово «часы работы», ведь всякому греку понятна его внутренняя форма. Литургия – это общее делание. Это когда все совершают нечто такое, что нужно им всем вместе, что сделать можно лишь сообща. Многие ли у нас так относятся к литургическому богослужению?

Идешь дальше по улице и видишь на магазине надпись: «прософора». Нет, там не просфорками торгуют, в магазине просто скидки, ведь слово это по-гречески значит «предложение, приношение». И так буквально на каждом шагу: эллин видел и продолжает видеть за церковными словами некую историю, он помнит об их первичном, бытовом значении. Для славянина это нередко просто технический термин, который надо выучить и правильно употреблять – но в чем состоял изначальный смысл слова, уже забылось.

А вот теперь вторая половина правды... Греческий язык ведь сам во многих отношениях – переводной. Да, все Евангелия и вообще весь Новый Завет написаны именно на нем, но не на нем разговаривали Христос и апостолы. Они общались на арамейском, иногда молились на древнееврейском – это родственные меж собой семитские языки, и у них совсем другой строй, иная логика, чем у индоевропейских (греческого, славянского, русского). И при переходе с семитского на индоевропейский безвозвратно теряется игра слов, тонкости значения, созвучия, красота и сжатость речи...

Мы привычно произносим: «Отче наш, иже еси на небесех». Фраза знакомая, но так на нашем языке все же не говорят, и славяне так явно не говорили. По-гречески тоже звучит не очень естественно и тяжело, хотя короче: «Патэр имон о эн тис уранис». Сравним это с арамейским «Авун дбашмайя», с еврейским «Авину шебашшамайим» – кратко, ёмко, естественно, энергично! В сирийских церквях и по сию пору читают молитву Господню практически на том же языке, на котором она некогда прозвучала, на арамейском – и она звучит как песня.

А в греческом теряется эта напевность, да и немало оттенков смыслов утрачивается при передаче. Так что при переходе на славянский тоже не всё сохраняется, да ведь и звучание языков меняется со временем. Так грозный ассирийский царь Тиглат-Пилесер (в еврейском тексте) сменил у нас имя: Феглаффелласар, словно горячей кашей рот набит. И если бы слышали наше нынешнее славянское богослужение святые Кирилл с Мефодием – не всё бы опознали в современном произношении, это точно. Может, и вовсе ничего бы не поняли. А уж апостолы или царь Давид и вовсе бы растерялись...

Христианство живет, а значит, изменяется его внешняя форма. Нынешняя Россия – не Киевская Русь, а та – не Византия, не Палестина времен апостолов и не Израиль пророков. Меняется звучание языков, да и сами языки, а с ними – пласты культуры и мировосприятие людей. Сохранить всё это, уберечь от забвения и распада – задача весьма благородная.

Но для христианина – не главная это задача, как оказывается. Евангелисты были евреями (все, кроме Луки), Марк так и вовсе по-гречески писал с ошибками, за такое сочинительство его бы с позором выгнали из риторической школы. И все равно они отказались от священного языка предков, древнееврейского, и даже от точной передачи прозвучавших на арамейском слов Самого Спасителя, оставив лишь отдельные слова, вроде «талифа куми» («девочка, встань»).

Что же, заменили они семитские языки греческим, забросили наследие отцов? Да нет же, никуда наследие не делось, напротив, раскрылось в полную силу – ведь сегодня читают Ветхий Завет на древнееврейском намного больше людей, чем в апостольские времена. Читают именно потому, что они христиане. А христиане они потому, что когда-то апостолам важно было донести свою проповедь до всех, и потому не требовали они от греков, галатов, римлян учить семитскую грамоту, да и Кирилл и Мефодий не заставляли славян зубрить греческий. Христианство с самого начала отказалось от идеи единственно верного подлинника на священном языке, как у иудеев и мусульман, с самого начала пошло на риск перевода.

Сберечь наследие отцов и передать его другим прежде всего значит сделать его для других родным и близким, а значит – перевести. Евангелисты это хорошо понимали.

[Нескучный сад](#)

Дата публикации: **10.09.2013**